УДК 17.022

ДИСКУРС И ЕГО ЛОГИКА: РОЖДЕНИЕ НАУКИ ИЗ ДУХА УЛИЦЫ

Павлов Александр Валентинович,
Тюменский государственный университет,
профессор кафедры философии,
доктор философских наук, профессор,
г. Тюмень, Россия.
E-mail: av-pavlov@mail.ru

Аннотация
Определяется представление о дискурсе. Рассматривается соотношение обыденного и научного дискурса в современности. Раскрывается роль обыденного дискурса для понимания научного. Задача статьи в том, чтобы раскрыть предметное поле, обозначаемое термином «дискурс», на уровне экзистенциальной эмпирии и рассмотреть дискурс как способ научного диалога между учеными как живыми людьми.

Ключевые понятия:
современность,
дискурс,
диалог,
комплементарность,
смысл,
креация научного понятия.

1.

Становление логики науки проходит несколько этапов. Как логика познания она зарождается в античной диалектике, продолжается в аксиоматической логике Средних веков и достигает расцвета в научном познании конкретных явлений природы Модерна. И на всех этапах развития науки, ее логика тесно связана с состоянием общественной жизни и исторически сложившейся формой организации общества. Как показывает, в частности, А.Ф. Лосев [6], логика античной диалектики формируется в условиях социальной поляризации древнегреческого полиса. Логика схоластики Средних веков коррелирует с претензиями средневековой церкви на власть в мировых, согласно тогдашним представлениям о Мире, масштабах. Логика же науки Модерна, по мысли Б.М. Гессена, отвечает потребностям торгово-промышленных кругов и нарождающейся буржуазной демократии [4].

И вместе с этим, у познания и науки имеется и внутренняя основа для саморазвития: аксиоматика, роль которой в науке играет факт, полученный в наблюдении, эксперименте или переживании, правила, обеспечивающие строгость вывода и логико-математическое оформление теорий. Ее обусловливает проблематика, возникающая в противоречивости математически оформленных теорий и любопытство ученого. Ее обеспечивает логика корректного перехода от одной теории к другой. При этом, форма организации и состояние общественной жизни провоцируют развитие естественных наук с помощью хозяйственных потребностей и открытий, а социогуманитарных наук посредством неизбежной противоречивости институтов общества, как известно, состоящего из вечно противоречащих друг другу индивидов.

Развитие логической организации науки обусловлено с двух сторон: как ею самой, так и обществом. В логике познания в концентрированном виде выражается господствующая форма рациональности, зависящая от типа общественной организации, какова рациональность, такова во многом и логика, таково и познание. Так, если средневековая рациональность связана с религией и политикой, то и средневековое познание – религиозное и политическое, а если логика XVII века сопряжена с торговлей и промышленностью, то смысл организованной ею науки – в промышленности и торговле. Так, что даже И. Ньютону

идею интегрального исчисления навеяла не «чистая» наука, а Ост-Индская торговая компания и работа над проблемой размещения сыпучих грузов в трюмах ее кораблей. А идею пространства и времени навеяла Каббала, которую он применял, определяя дату конца света, зашифрованную в «Откровении Иоанна».

Однако общество, обусловливающее науку, это продукт межчеловеческих связей. С эпохой Модерна, и особенно при подходе истории европейских культур к состоянию постмодерна, уже *с XIX века обнаруживается абсолютно новая область действительности – современность,* контемпоральность протекающая в истории, но выражающая в ней момент своего рода «изменчивой неизменности». Я.В. Мальцев приписывает ей вполне уместный эпитет: «перманентная современность» [7], а З. Бауман называет ее «текучей» [2]. *Открытие современности и ее перманентного характера привело к раздвоению науки, особенно в гуманитарной сфере, на подходы, обусловленные историзмом, и позиции, порожденные современностью как контемпоральностью.*

С одной стороны, науки, даже гуманитарные, во многом по-прежнему остаются на классической стадии, со всем ее позитивизмом и формальными обобщениями. Но с другой стороны, они уже чувствуют необходимость выходить на постнеклассическую стадию, говорить от имени субъекта, создающего культуру, и переходить к обобщениям не формальным, а содержательно-смысловым, восходящим в конечном счете к субъективности индивидов.

Благодаря открытию современности, даже в самых классических науках начинает преобладать постмодернистский слой. А в таком виде наука становится своеобразной научно-мировоззренческой практикой, нацеленной не только на познание и хозяйственные потребности, но и на созидание картины мира, на практическое преобразование культурной реальности, и на организацию новых институтов вокруг субъекта, на цивилизационную практику.

Собственно говоря, при нынешних уровнях абстракции (черные дыры, частица Бога, модели Вселенной, искривления пространственно-временного континуума и т.д.) даже физика перестает быть естественной наукой и становится гуманитарной практикой, активно творящей мифологию и воплощающей ее в жизнь. Так, открытие виртуальной реальности, а точнее, ее создание, вместе с искусственным интеллектом, имеет в основе механизацию математических вычислений, потребность в которой характерна больше для физики, чем для филологии.

Превращение науки в практику организации мира происходит потому, что классическая наука нацелена на предметную очевидность, неклассическая – на умозрительную предметность, проявленную в очевидной, а постнеклассическая – исключительно на умозрительную, выраженную в многоэтажной конструкции других умозрительных теорий, где только в фундаменте скрыт намек, что может быть эти теории как-то относятся к данным экспериментов и наблюдений, а может быть, и не относятся. Такая неопределенная предметная область становится определенной лишь в том случае, когда организуется целенаправленно в соответствии с субъективным взглядом.

Причем сказанное подходит как для гуманитарных наук, так и для естественных, выходящих уже на такой уровень абстрактности, что становится неясным, в какой мере они характеризуют объективную реальность, а в какой их сегодняшний образ природы предписан философской картиной мира, логикой и математикой. Как показывает В.А. Ашимова [1], постмодерн, это творчество мира, его олитературивание, образное представление, мифологизация, а значит, идеология и политика.

2.

Из-за того, что точкой отсчета в пространстве современности выступает субъективность, и в первую очередь «Я-субъект», исследование современности всегда является гуманитарным и требует особой логики, непосредственно погруженной в общественную жизнь и связанной с доминирующим типом рациональности. Такая, «погруженная» логика оказывается логикой практики, мысль ее средствами и в ее рамках уже есть практическое действие. Этой логикой, на мой взгляд, становится дискурс со своей специфической логикой на основе диалога.

Конечно, современность в свернутом виде как потенциал содержит в себе и историю, и повседневность, и межвременье. Взятая в отрыве от истории, она абстрактна, и ее дискурсивная логика дает чрезмерно отвлеченные результаты, а ее практичность является практической ошибкой. Однако не менее ошибочным будет и обосновывать практику одним только историческим под-

ходом. И то, и другое само по себе способно лишь формировать абстрактные, искусственные социальные системы. И индивиды, воспитывающиеся в условиях «чистой» современности или «чистой» историчности получатся такими же абстрактными обывателями или абстрактными революционерами. Но взятые вместе исторический и контемпоральный подходы оказываются серьезнейшим инструментарием социального и гуманитарного познания.

Дискурс встроен в повседневную жизнь и «на улицах», и в науке, и из-за этого он, в силу бросающихся в глаза отличий научного мышления от повседневного нередко понимается как обыденная речь, пусть и произносимая по поводу научного вопроса и на научной конференции, как текстуально организованное мышление. Но имплицитно он выводится за пределы науки и философии. Считается, что одно дело – статья или доклад на конференции, но совершенно другое дело живое общение в ее кулуарах, оно – предпочтительней, так как в живом общении происходят споры и рождаются идеи, а в докладах они лишь озвучиваются.

И не важно, что в выступлениях порою звучит живая речь, она отфильтровывается самим контекстом заседания. Дискурс для науки подозрителен, как подозрительна свободная беседа на бытовые темы или мифология. И тем не менее, он присутствует на конференциях, он незаметно проникает в статьи и монографии через смысл, транслируемый в коммуникациях научного сообщества.

Люди в живой речи пользуются своей логикой, поскольку они находятся в контексте общественной жизни, которая с точки зрения современности выступает хаотичной коммуникацией. Но эта логика не классически научна, классическая наука мыслит совсем иначе. Однако и доклад, и статья, и монография тоже помещены в контекст своеобразной научной коммуникации, посредством их передается информация, ведется диалог, устанавливаются соглашения. А в публикациях, посвященных описаниям эмпирических параметров новых предметов, и содержащих минимум теории, дискурс как коммуникация с предметом вообще выходит на передний план.

Это конечно дискурс не обыденной, а научной речи, однако формальная структура любого дискурса одинакова. В нем акцент ставится *не на доказательстве тезиса, а на убеждении партнера*, так как убеждение вообще предельная форма доказательства. Будь это убеждение путем последовательной и логичной редукции к научным традициям, постулатам, картинам мира, будь это убеждение редукцией к очевидности предмета познания, но доказывает именно убеждение, так, что «доказать» в конечном счете означает «убедить».

Ход дискурса не дедуктивен, а дискурсивен, он идет не от принципов, аксиом, или содержательно от «картин мира», от научных соглашений, от предметов познания или общих потребностей бизнеса к частным выводам, а от одного субъекта говорения к другому действительному или мнимому субъекту. Дискурс, - как пишет специализирующийся на нем Т. ван Дейк, - это коммуникативное событие между говорящим, слушающим и др. в процессе коммуникативного акта в определенном временном, пространственном и проч. контексте. [11].

Логика дискурса развертывается эксплицитно, а не имплицитно, как в теоретическом исследовании, ведя обоих субъектов коммуникации от одного объекта, к другому рядоположенному объекту, от того к третьему и т.д. Т.е. это логика коммуникаций и диалога, в которых обнаруживаются точки совпадения и несовместимости и устанавливается комплементарность хоть обыденных взглядов, хоть научных.

Участие субъектов в акте диалога благодаря дискурсивной логике привносит во все объекты субъективные смыслы и значения и делает формальные коммуникации, ведущиеся даже на языке математики содержательными, передающими не только смысл научной теории, но даже индивидуальный смысл. Объект же в силу этого понимается как «говорящий», независимо от того, говорит он на самом деле или нет, он все равно дает информацию и ведет свой «монолог». Дискурс требует такого субъекта, какой возникает при интеграции множества индивидуальных субъектов в точках их комплементации.

И тогда *эксплицитно разворачивающаяся логика становится логикой перехода от индивидуального к социальному, логикой возникновения общих рациональных терминов и понятий из актов интуитивных озарений, логикой конструирования, трансляции, провокации и конфликта смыслов.*

Перенося субъективные по своей онтологии значения, она опирается на личные метафоры и концепты, лишь слегка приоткрытые читателю статьи, и провоцирующие его конструировать новые смыслы,

метафоры и концепты, сближающиеся с партнерскими. И по мере достижения комплементарности, логика дискурса образует общность людей, рациональность как коллективную, социальную форму мышления и превращает метафору и концепт в термин и понятие. Отсюда, смысловое содержание любой науки пропитано социальностью и индивидуальностью ученых, ограниченных ракурсом их человеческого взгляда на мир. И такова не только гуманитарная наука, но и социальная, и что самое интересное, естественная. Чем более физическая теория абстрактна от непосредственно наблюдаемого предмета, тем более она гуманитарна, тем более выражает не объективную реальность физической природы, а желание ученых, разделяющих общие научные взгляды, видеть природу таковой.

Производство текста живым и индивидуальным автором – главным субъектом современности – вынуждает его писать только о том, что *понятно ему самому,* в противном случае его интеллект становится искусственным, то есть, обрабатывающим информацию по правилам научной традиции, но без личного участия, личного опыта работы с объектом и без личного понимания. Трансляция же личного понимания автора и организация текста таким образом, чтобы он стал понятен партнеру, означает и заявление авторского «Я». Трансляция понимания превращает любую, самую абстрактную формулу в метафору и концепт. И тогда участие дискурса в научно организованном тексте делает его логику *смысловой.* А метафорическая подкладка самого научного текста оказывается «первобытной», личной метафорой, где до всяких коммуникаций и диалогов, до комплементаций автор в первую очередь «сравнивает» свой объект с самим собой, со своим опытом, индивидуальностью, с тем, насколько он ему самому понятен. Формальная структура зарождающегося дискурса современности первобытных пещер вероятно ничем не отличается от структуры дискурса научных симпозиумов, их различие исключительно в содержании, о каменном топоре ведется диалог или о бозоне Хиггса.

Именно потому, что в своей основе дискурс, это речь, привязанная к говорящему, я и предпочитаю называть его *«экзистенциальным»*, избегая нейтрального и претендующего на объективность определения «социогуманитарный». Чтобы говорить о таком дискурсе, надо быть в нем, а не рассматривать его «со стороны». Отсюда и логика научной работы развертывается по схеме: личная метафора – дискурс – интегральная субъективность научного сообщества – креация. Причем, несмотря на то, что все четыре элемента могут рассматриваться абстрактно друг от друга, в действительности они содержатся друг в друге как четыре аспекта познания. Теоретическая логика может существовать без дискурсивно-практической и без личного понимания, но она в таком случае теряет современность, а вместе с нею, и актуальность, и практическую востребованность. Она становится не логикой творчества, открытия и преобразования, а логикой бессмысленного воспроизводства абстрактных форм рациональности, своего рода гегелевской дурной бесконечностью. Дискурс же без теоретического мышления и его обобщений становится обыденной беседой.

Без дискурсивной логики, как экспериментальная, так и теоретическая наука если и способны существовать, то не способны понимать то, что они делают. Точнее, их понимание вторично, погружено в искусственный контекст формул, оторвано от реальности и является более объяснением одних слов с помощью других, чем пониманием. А развитие науки в таком случае оказывается простым исчерпанием формально-логического ресурса методов и постулатов. Кончается ресурс, вместе с этим останавливается и развитие теории, а далее она превращается в рожденный наукою миф.

Научная теория, построенная объективно, т.е. не привязанная к говорящему, тоже по-своему дискурсивна, только ее дискурс искусственный, а не естественный. Креативный же характер науки и ее способность понимать и объяснять предметы любой степени общности и абстрактности зависит от того, насколько в ее основе продолжает находиться экзистенциальный дискурс обыденного человеческого мышления. *Научная логика не только содержит в себе дискурс, но и появляется из обыденно дискурсивной.*

3.

Э. Бенвенист распространяет дискурс на акты коммуникации, это текст, речь, разговор, но находящийся в связи с производством коммуникации. Производство же коммуникации – дело говорящего или

пишущего, в моей терминологии, «Я-субъекта».

«Здесь нельзя упускать из виду своеобразный статус высказывания: нашим объектом является самый акт производства высказывания, а не текст высказанного. Этот акт – дело говорящего, который использует язык по своему усмотрению. ... Высказывание следует рассматривать как акт говорящего, который употребляет язык в качестве орудия, и с учетом тех языковых черт, в которых проявляются отношения между говорящим и языком». [3, с. 312].

Вместе с этим, как я уже показывал в предыдущих статьях, любой диалог представляет собою взаимную провокацию партнеров, он интенционален для каждого, участника*. А следовательно, он означает творчество участниками своих партнеров. Проще сказать, мы вступаем в диалог не с самим партнером, а с нашим представлением о нем, а это представление репрезентирует не только партнера, но и нас. Оно не вполне адекватно партнеру, который лишь присутствует за представлением, но может там и вообще отсутствовать, как, например, в случае диалога с образом литературного героя или с мифологическим персонажем.

И соответственно, дискурс – раздваивается, а мы имеем дело, во-первых, с внешним, *формальным дискурсом*, характеризующим формальную коммуникацию, а во-вторых, с внутренним, *экзистенциальным дискурсом* каждого участника диалога, представляющим собою формальную сторону его личной интенции и творчество партнера. Говоря функционально, «Я-субъектом» создается представление о ситуации, образующейся при диалоге. Оно интегрируется с представлением его партнера и возникает некий нейтральный, объективный для обоих участников комплекс рациональности, играющий роль общей формы, куда каждый партнер вкладывает свое собственное содержание, зарождающийся социокультурный субъект. Именно этот интегральный социокультурный субъект, складываясь под влиянием интенций не одного, а всех партнеров, для каждого из них и является субъектом креации, производителем нового смысла. И теперь *каждый участник оформляет этот приращенный смысл новыми значениями, терминами и теориями, и ведет дальнейший диалог уже средствами не интуиций и метафор, а терминов.*

Различие же между логикой обыденного и теоретического дискурса науки заключается в том, что первая осуществляется на уровне метафор и интуиций, а вторая средствами терминологически оформленных понятий, первая передает личные значения и смыслы, а вторая – интегральные, первая оказывается самоорганизацией борьбы «Я-субъекта» за свое самобытие, и значит, конфликтного аспекта диалога, а вторая – организацией его коммуникации с другими «Я-субъектами», а следовательно, первая – это лично содержательный для человека дискурс и формальный для социума, а вторая – содержательный для социума, а для личности – формальный.

Классическая герменевтика Ф. Шлеермахера говорит о понимании, путем интерпретации текста в контексте внешней и внутренней жизни автора. Эта внутренняя жизнь является целостностью «Я-субъекта», объединенной единством его «Я» и становится творчеством образа партнера под влиянием провоцирующего характера действительного соседа, вовлеченного в жизнь «Я-субъекта». Отсюда можно заключить о необходимости различать *два вида понимания: трактовку внешнего объекта и творчество «Я-субъектом» его внутреннего образа.*

И тогда трактовка партнера по коммуникации слагается из обоих ее участников. Но если речь идет о *научном* понимании, то она состоит из трех ступеней: интерпретация в контексте научных теорий, интерпретация в контексте общественной жизни и интерпретация в контексте «внутренней» жизни человека. Без творчества научного факта, осуществляющегося во «внутренней» жизни, он непонятен самому его открывателю, а без общественной жизни он практически не имеет никакой общезначимой ценности и становится объяснением одних формул с помощью других формул. В единстве же всех трех планов научного понимания, любое открытие оказывается не столько обнаружением, сколько творчеством лично и социально приемлемого образа безграничной и неопределенной действительности.

1. Ашимова, В.А. Постмодернизм как идеологическое и политическое описание мира [Текст] / В.А. Ашимова // Социум и власть. 2015. № 5. С. 54–59.

* См. напр. мою статью «Культура как провокация». // Социум и власть, 2015, № 4.

2. Бауман, З. Текучая современность [Текст] / З. Бауман. СПб.: Питер, 2008. 240 с.
3. Бенвенист, Э. Общая лингвистика [Текст] / Э. Бенвенист. М.: Прогресс, 1974. 447 с.
4. Гессен, Б.М. Социально-экономические корни механики Ньютона [Текст] / Б.М. Гессен // Доклады советских делегатов на II Международном конгрессе по истории науки и техники. М.,-Л.: Государственное технико-теоретическое издательство, 1933. 78 с.
5. Дейк, Т. ван. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации [Текст] / ванн Т. Дейк. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. 344с.
6. Лосев, А.Ф. История античной философии в конспективном изложении [Текст] / А.Ф. Лосев. М.: «ЧеРо», 1998. 192 с.
7. Мальцев, Я.В. Перманентная современность и ее субъект как основа социальной матрицы [Текст] / Я.В. Мальцев // Социум и власть. 2015. № 5. С. 7–13.
8. Степин, В.С. История и философия науки [Текст] / В.С. Степин. М.: «Академический проект», 2011. 433 с.
9. Степанов, Ю.С. Изменчивый «образ языка» в науке XX века [Текст] / Ю.С. Степанов // Язык и наука конца XX века. Институт языкознания РАН. М.: 1995. С. 2-31.
10. Язык и наука конца 20 века [Текст] // Институт языкознания РАН. М.: 1995. 320 с.
11. Teun Van Dijk. Ideology: A Multidisciplinary Approach. London: Sage, 1998. 365 p.

References

1. Ashimova V.A. (2015) *Socium i vlast'*, no. 5, pp. 54–59 [in Rus].
2. Bauman Z. (2008) Tekuchaja sovremennost'. SPb., Piter, 240 p. [in Rus].
3. Benvenist Je. (1974) Obshhaja lingvistika. Moscow, Progress, 447 p. [in Rus].
4. Gessen B.M. (1933) Social'no-jekonomicheskie korni mehaniki N'jutona. // Doklady sovetskih delegatov na II mezhdunarodnom kongresse po istorii nauki i tehniki. M.,-L., Gosudarstvennoe tehniko-teoreticheskoe izdatel'stvo, 78 p. [in Rus].
5. Dejk T. van (2013) Diskurs i vlast': Reprezentacija dominirovanija v jazyke i kommunikacii. Moscow, Knizhnyj dom «LIBROKOM», 344 p. [in Rus].
6. Losev A.F. (1998) Istorija antichnoj filosofii v konspektivnom izlozhenii. Moscow, «CheRo», 192 p. [in Rus].
7. Mal'cev Ja.V. (2015) *Socium i vlast',* no. 5, pp. 7–13 [in Rus].
8. Stepin V.S. (2011) Istorija i filosofija nauki. Moscow, «Akademicheskij proekt», 433 p. [in Rus].
9. Stepanov Ju.S. (1995) Izmenchivyj «obraz jazyka» v nauke XX veka. // Jazyk i nauka konca XX veka. Institut jazykoznanija RAN. Moscow, pp. 2–31 [in Rus].
10. Jazyk i nauka konca 20 veka (1995). Institut jazykoznanija RAN. Moscow, 320 p. [in Rus].
11. Teun Van Dijk (1998). Ideology: A Multidisciplinary Approach. London, Sage, 365 p. [in Eng].

UDC 17.022

DISCOURSE AND ITS LOGIC: CREATION OF SCIENCE FROM THE STREET SPIRIT

Pavlov Alexander Valentinovich,
Tyumen State University,
Professor of the Chair of Philosophy,
Doctor of Philosophy, Professor,
Tyumen, Russia.
E-mail: av-pavlov@mail.ru

Annotation
The article represents the discourse. The correlation between common and scientific discourse in modern times is considered. The author defines the role of common discourse for comprehending the scientific one. The aim of the article is to reveal the object field which is defined as the term "discourse", on the level of existential empirism and study discourse as a means of scientific dialogue among scientists as human beings.

Key concepts:
modernity,
discourse,
dialogue,
complementarity,
sense,
creation of a scientific notion.